

Заметки Пушкина об освобождении Москвы от интервентов в 1613 году

1

Наброски недописанной статьи Пушкина о последних месяцах «смутного времени», об освобождении Москвы от интервентов и об избрании на царство в феврале 1613 г. Михаила Федоровича Романова впервые опубликованы В. Е. Якушкиным на страницах «Русской старины» 1884 г., в ряду многих других материалов, извлеченных этим исследователем из неизданных рабочих тетрадей Пушкина при их первом полистном описании¹.

В задачи В. Е. Якушкина не входило раскрытие замысла статьи и ее датировка. О том и другом сказал П. О. Морозов, включая фрагмент в редактированное им издание Сочинений А. С. Пушкина². Наброски «Москва была освобождена Пожарским» и прочее отнесены были в этом издании к числу «Исторических заметок», сделанных, «по всей вероятности, в то время, когда он (Пушкин) приступил к занятиям историей Петра Великого». Столь же решительно П. О. Морозов определил и дату «Исторических заметок», приурочив их к годам «1832—1833».

Эти хронологические рамки не оспаривались ни в дореволюционном, ни в советском пушкиноведении, так как П. О. Морозов явно учитывал, с одной стороны, время зачисления Пушкина на государственную службу для работы над «Историей Петра I» (1832), а, с другой — место фрагмента об освобождении Москвы в рабочей тетради поэта, описанной В. Е. Якушкиным: листы, занятые этим текстом (тетрадь № 2373, лл. 16—17), перемежались листами черновой редакции начала «Пиковой дамы» (лл. 15—18), относившимися к 1833 г.

¹ «Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве». — «Рус. старина», 1884, № 8, стр. 323—324.

² Сочинения А. С. Пушкина. Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Под ред. и с объяснительными примеч. П. О. Морозова. Том V. СПб., 1887, стр. 190—191.

Обратившись к тексту этих же набросков 20 лет спустя, П. О. Морозов сохранил их приурочение к «Историческим заметкам», но от указания на связь их с занятиями Пушкина по истории Петра I отказался (Сочинения и письма А. С. Пушкина, т. VII. СПб., 1906, стр. 35—36).

Правда, в двух новых изданиях Пушкина, одно из которых редактировал П. А. Ефремов (1903), а другое П. О. Морозов (1905), набросок «Москва была освобождена Пожарским» отнесен был уже к 1832 г.³, но так как передатировка сделана была без всякой аргументации, то одни редакторы и комментаторы Пушкина повторяли и после этого новшества старую хронологию П. О. Морозова (1832—1833), а другие столь же голословно выбирали один из этих годов. Так, например, Н. О. Лернер в своем известном справочнике «Труды и дни Пушкина» датировал набросок об освобождении Москвы 1832 годом⁴, а историк А. И. Заозерский, редактор этого же автографа в большом академическом издании Пушкина, относил его «предположительно ко второй половине 1833 года»⁵.

Этот хронологический разнобой получил отражение и в первых советских критических изданиях сочинений Пушкина, где вслед за «1832—1833» появляется, опять-таки без всяких мотивировок, еще одна условная дата записи об освобождении Москвы: «1831—1832»⁶.

2

Если в вопросе о датировке наброска «Москва освобождена была Пожарским» комментаторы Пушкина проявляли некоторые колебания, то жанровая специфика этого текста не вызвала ни у кого никаких сомнений. Интересующий нас текст единодушно характеризовался исследователями Пушкина как фрагмент его исторической прозы, как бесспорный след специальных занятий поэта событиями 1612—1613 годов. Поэтому он и печатался во всех изданиях сочинений Пушкина в ряду его исторических заметок и неосуществленных замыслов.

Есть ли у нас, однако, хоть какие-нибудь основания для предположения о том, что Пушкин в начале 30-х годов мог работать над материалами по истории последних месяцев

³ Сочинения А. С. Пушкина. Редакция П. А. Ефремова. Том V. Изд. А. С. Суворина. СПб., 1903, стр. 584—585. Набросок озаглавлен «Историческая заметка». Дата его (1832) указана только в оглавлении тома. О втором издании П. О. Морозова (1905) см. выше сноску 2.

⁴ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2. СПб., 1910, стр. 276.

⁵ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XI. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 222 и 562.

⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 год. Том пятый. М.—Л., 1931, стр. 473—474; Полное собр. соч. А. С. Пушкина в шести томах. Том V. Ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. М.—Л., 1933, стр. 663. Эта же датировка повторяется в обоих вариантах Полного собр. соч. Пушкина под ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского, изд. «Academia» (в шеститомнике, т. V, 1936, стр. 350—351, и в девятитомнике, т. IX, 1937, стр. 211). Эту же дату (1831—1832) принимает и Б. В. Томашевский в Академическом

«смутного времени» и избрания на царство Михаила Романава? — Таких оснований у нас нет и не было — ни документальных, ни эпистолярных, ни мемуарных. Если же мы сколько-нибудь внимательно вчитаемся в самый текст автографа «Москва освобождена была Пожарским», то и в нем не обнаружим никаких элементов специальной исследовательской работы. Исторический рассказ облечен здесь в художественную форму и звучит скорее как предельно краткая информация, как напоминание о чем-то общеизвестном, а вовсе не как наметка (хотя бы самая беглая) чего-то нового, результат *своих* наблюдений и разысканий. В заметке нет ни прямых, ни косвенных связей с *первоисточниками*, нет и полемики с предшествующей литературой предмета.

Да и о каких самостоятельных разысканиях в этой области могла бы идти речь, если мы хорошо знаем, что работа Пушкина как историка между 1830 и 1833 гг. была чрезвычайно уплотнена и исключала возможность новых тем, в том числе и обращения к событиям 1613 г. В самом деле, к 1829—1831 гг. относятся занятия Пушкина над материалами по «Истории Малороссии» и «Истории французской революции». Около 21 июля 1831 г. Пушкин в официальном обращении к шефу жандармов (письмо это фактически предназначалось царю) отмечал свое «давнишнее желание написать «Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III». С начала 1832 г. Пушкин, не оставляя других своих планов, приступил к работе над архивными и печатными источниками по истории Петра, а с февраля 1833 г. на полтора года отложил «Историю Петра», занявшись изучением первоисточников «Истории Пугачева».

Однако, если самая возможность обращения Пушкина в первой половине тридцатых годов к событиям «смутного времени» как к теме специальных исторических разысканий представляется нам совершенно невероятной, то трудно было бы возразить против предположения об отклике поэта в наброске «Москва была освобождена Пожарским» на какую-нибудь новую книгу о первых Романовых или на журнальную публикацию тех или иных документов о них.

Именно эта тема занимала Пушкина не только по некоторым мотивам личного порядка (поэт очень гордился тем, что четверо из его предков подписали грамоту об избрании Михаила Романова на царство), но и потому, что до конца своей жизни он не утратил интереса к событиям «величественной драмы, начавшейся в Угличе и закончившейся в Ипатьевском

десятитомнике сочинений Пушкина (т. 8, 1951, стр. 551; 1953, то же, изд. 2-е, 1953, стр. 558). К 1830 г. набросок об освобождении Москвы впервые отнесен был нами в издании А. С. Пушкин Собрание сочинений в десяти томах, т. 6 М., 1962, стр. 304—305.

монастыре»⁷. Напомним в связи с этим строфы «Моей родословной», написанной в 1830 г.:

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын
Бывало, нами дорожили,
Бывало . но — я мещанин⁸

3

Систематический просмотр литературы, вышедшей в свет в первой половине тридцатых годов и посвященной избранию на царство Михаила Романова, позволил нам установить, что проблематика эта получила отражение в двух книгах. Это, во-первых, компиляция В. Н. Берха «Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие» (ч. I и II. СПб., 1832) и, во-вторых, историческая поэма Ф. Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение в четырех частях» (СПб., 1830).

Оба эти издания сохранились и в библиотеке Пушкина⁹, причем поэма Глинки даже в двух экземплярах, один из которых прислан был с царственной надписью: «Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину в знак отличного уважения и преданности от сочинителя»¹⁰.

Книжку В. Н. Берха, построенную на примитивной передаче общеизвестных печатных данных, Пушкин даже не разрезал, так как, видимо, был уже знаком с нею прежде. Но поэма Ф. Н. Глинки привлекла его внимание не только своим названием.

Как известно, поэт Ф. Н. Глинка, один из виднейших деятелей Союза Благоденствия, занимавший в 1820 г. должность

⁷ Цитируем письмо Пушкина к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. в переводе с французского оригинала (Пушкин, т. XVI, 1949, стр. 393). Ср. строки «Родословной моего героя» (1836): «Когда ж от думы величавой // Приял Романов свой венец // Как под отеческой державой // Русь отдохнула наконец».

⁸ «Страдальца сын» — царь Михаил, сын боярина Федора Никитича Романова, разлученного с семьей и насильно постриженного в 1601 г. в монахи. Многие годы его жизни прошли в тюрьмах и ссылках. О четверых Пушкиных, подписавших грамоту об избрании на царство Михаила Романова, см. заметки Пушкина в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830) и в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» (1831—1832).

⁹ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, стр. 8 и 28.

¹⁰ Надпись не имеет даты, но, судя по сопроводительному письму Глинки из Петрозаводска от 17 февраля 1830 г., Пушкин получил авторский экземпляр «Карелии» уже после опубликования им рецензии на эту поэму в «Литературной газете».

старшего адъютанта при С.-Петербургском генерал-губернаторе М. А. Милорадовиче, принимал большое участие в хлопотах за Пушкина перед его высылкой из столицы на юг, а затем еще более открыто подчеркнул свое сочувствие автору «Вольности» и «Деревни» публикацией в сентябрьской книжке «Сына отечества» 1820 г. (часть 64, № 38) дружеского послания к нему. Ответные строфы Пушкина («Когда средь оргий жизни шумной // Меня постигнул остракизм...» и пр.) широко популяризировали в передовых общественных кругах политический и литературный контакт обоих поэтов. Их личные отношения возобновились лишь десять лет спустя, когда вышла в свет поэма «Карелия», самое значительное из произведений Глинки периода его ссылки в Петрозаводск. Поэма имела двойной фабульный упор. Один из них вдохновлен был природой, людьми и преданиями Карелии, а другой определялся историей пребывания в Заонежье Марфы Ивановны Романовой, насильственно разлученной с мужем, постриженной в монахини и отправленной царем Борисом в 1601 г. в глухой Толвуйский погост вместе со своим малолетним сыном Михаилом.

Поясняя в предисловии к поэме особенности ее замысла и структуры, Ф. Н. Глинка настаивал на том, что, несмотря на все трудности раскрытия характера Марфы Ивановны, «из хода повествования видно», что именно «она есть средоточие всего действия: к ней приходят; ее стараются занять повествованием; к ней относятся и мысли и действия всех и каждого. И так она есть, без сомнения, первое лицо в рассказе, и если не всегда действующее, то всегда владычествующее над действиями других» («Карелия», СПб., 1830, стр. VIII).

Вот почему в поэме «Карелия» так много специальных исторических примечаний и даже приложений, в числе которых Ф. Н. Глинка опубликовал и неизвестные ранее подлинные жалованные грамоты Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Софьи Алексеевны некоторым из онежских крестьян, оказавшим услуги Марфе Ивановне в пору ее заточения.

Мы имеем поэтому все основания предполагать, что набросок «Москва была освобождена Пожарским», обрывавшийся на строках о перемещении инокини Марфы и сына ее Михаила из пустынного Онежского монастыря в Кострому, являлся непосредственным откликом на поэму «Карелия», или, точнее, на ее документальную основу. Строки «Москва была освобождена Пожарским» представляли собой или фрагмент, или, что еще более вероятно, зачин начальной редакции той самой статьи, которой Пушкин откликнулся на «описательное стихотворение» Ф. Н. Глинки в «Литературной газете» от 15 февраля 1830 г. (№ 10, стр. 78—81) ¹¹.

¹¹ Поэма «Карелия» разрешена была цензурой 20 декабря 1829 г. За печатанием ее наблюдал О. М. Сомов, друг Глинки и ближайший помощник Пушкина и Дельвига по изданию «Литературной газеты». Именно

Впервые печатно приветствуя Глинку после нескольких лет его ссылки, Пушкин своим дружеским откликом на «Карелию», с одной стороны, хотел подчеркнуть свое давнее личное уважение к ее автору, а, с другой, привлечь внимание читателей к последнему значительному произведению поэта-декабриста¹².

Этими задачами объясняются и все особенности построения печатной редакции статьи Пушкина, ограничившегося краткой, но исключительно выразительной общей характеристикой Глинки, как одного, «может быть, из самых оригинальных наших поэтов, не исповедующего ни древнего, ни французского классицизма, ни новейшего романтизма». Поэма Глинки рассматривалась ее критиком лишь как «подкрепление сего мнения», ибо в ней, «как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта». Закljučая свой отклик многочисленными выписками наиболее ярких строф «Карелии», Пушкин, видимо, полагал, что несколько страниц цитат из поэмы привлекут к ней гораздо большее внимание читателей, чем развернутый критический ее разбор. Поэтому, как мы думаем, не попали в печатный текст рецензии и суждения Пушкина об исторической и политической значимости самой фабулы новой поэмы, оставившие след в наброске «Москва была освобождена Пожарским».

Противоречит ли нашему осмыслению наброска о последних месяцах «смутного времени» как отклика на фабулу «Карелии» Ф. Н. Глинки самое место этих строк в записной книжке Пушкина? — Думается, что нет.

Правда, все те данные о хронологии интересующего нас наброска, которые отмечены были выше, исходили из положения, что тетрадь № 2373 заполнялась поэтом между 1831 и 1833 гг. Но эта хронология, установленная в свое время В. Е. Якушкиным и П. О. Морозовым, ныне отвергнута. Текстологи, работавшие над советскими изданиями Сочинений Пушкина в период

О. М. Сомов являлся и автором предварительной информации о «Карелии» в «Литературной газете» от 26 января 1830 г., в которой отмечалось, что поэма эта выходит в свет «в конце сего месяца» («Лит. газета», 1830, № 6, стр. 48). В библиотеке Пушкина сохранился особый экземпляр «Карелии» в папке, с золотым обрезом, на веленовой бумаге (Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, стр. 28). Этот экземпляр поэмы преподнесен был Пушкину не Глинкой, а издателем книги, так как авторский ее экземпляр получен был великим поэтом уже после того, как он опубликовал свою рецензию на «Карелию». (См. выше сноску 10).

¹² Наиболее полный обзор материалов по истории создания и публикации поэмы «Карелия», а также всех откликов на нее в печати дан в статье Н. К. Замкова «Пушкин и Ф. Н. Глинка» («Пушкин и его современники», вып. XXIX—XXX. Пг., 1918, стр. 78—97). Некоторые дополнительные материалы о Пушкине и Глинке см. также в статье Ю. Г. Оксмана об их связях («Временник Пушкинской комиссии», т. 1, 1936, стр. 225—234). В последние двадцать лет много внимания популяризации литературного наследия Ф. Н. Глинки уделено в работах В. Г. Базанова.

1930—1949 г., передатировали значительную часть произведений, которыми была заполнена тетрадь № 2373. Самые ранние ее записи, относимые прежде к 1832 г., оказались в действительности произведениями самого начала 1830 г., а может быть и конца 1829 г. Именно таковы даты перевода поэмы Соути «Медок» (л. 1), набросков предисловия к изданию «Бориса Годунова» (л. 2), черновики поэмы о Тазите (лл. 3—12).

Еще более точно может быть установлено время заполнения следующих двух листов, занятых вставкой (от слов «Тем хуже для литературы») в незаконченный литературно-критический диалог «Читали вы в последнем № Галатеи критику N. N.?» (лл. 13—14). Этот диалог являлся ответом Пушкина на анонимную статью в московском еженедельнике «Галатея» (редактор С. Е. Раич). Статья помещена была в номере шестом этого журнала, разрешенном цензурой 6 февраля 1830 г. До Петербурга книжка эта дошла около 10 февраля, следовательно, ответ на нее не мог быть написан раньше 10—12 февраля¹³. Оставив следующий лист (15-й) свободным, очевидно, для окончания недописанного диалога, Пушкин занял лл. 16 и 17 набросками «Москва была освобождена Пожарским». Так как рецензия Пушкина на поэму «Карелия» разрешена была цензурой 14 февраля 1830 г., то тот или иной ее черновой фрагмент можно датировать лишь несколькими днями ранее. Если же учесть, что диалог о «Галатее», набросанный около 12 февраля, предшествовал, судя по месту его в записной книжке, рецензии на «Карелию», то время работы Пушкина над последней, а тем самым и дата фрагмента «Москва была освобождена Пожарским», определится с точностью до двух-трех дней: около 12—13 февраля 1830 г.¹⁴

¹³ Нет никаких оснований связывать литературно-критический диалог Пушкина по поводу одной из статей в «Галатее» 1830 г. с рецензией на перевод «Крымских сонетов» Мицкевича (с предисловием П. А. Вяземского) во втором номере этого журнала, как полагал В. В. Гиппиус («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии АН», кн. 4—5, 1939, стр. 568). Статья о «Крымских сонетах» (дата цензурного ее разрешения — 9 января 1830 г.) не имела широкого звучания и не являлась достаточно серьезным поводом для острой полемики. Другое дело статья в «Галатее» (1830, № 6), посвященная большому критическому разбору альманахов «Северные цветы» и «Денница», испещренному грубыми личными выпадами против Пушкина, Дельвига, Вяземского, И. Киреевского и других сотрудников «Литературной газеты». Статья эта имела и продолжение («Галатея», № 8), но Пушкин явно имел в виду № 6, так как в противном случае он написал бы не о «последнем номере» журнала, а об его «последних номерах».

¹⁴ Судя по тому, что в тетради № 2373 отсутствуют записи Пушкина, которые можно было бы отнести к марту—декабрю 1830 г., ко всему 1831 г. и к первой половине 1832 г., мы полагаем, что черновые наброски «Пиковой дамы», занимающие лл. 15 и 18 этой тетради, появились в последней не раньше 1833 г. (осенью), после того как Пушкин, исписав тетрадь до конца, вновь обратился к ее первым листам, оставшимся незаполненными с начала 1830 г. Смежность же черновики «Пиковой дамы» с набросками об избрании на царство Михайла Романова оказалась чистой случайностью, не дающей никаких оснований для хронологических выводов.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 80-летию
члена-корреспондента АН СССР
Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1971